

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.03

Гегемония США и проблема легитимации доминирования в международной политике: к переосмыслению западных концепций

Алексей Николаевич БОГДАНОВ

кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034
E-mail: enlil82@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9608-0708

ЦИТИРОВАНИЕ: Богданов А.Н. Гегемония США и проблема легитимации доминирования в международной политике: к переосмыслению западных концепций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 47–68.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.03

Статья поступила в редакцию 19.04.2022.
Исправленный текст представлен 21.06.2022.

АННОТАЦИЯ. В условиях нарастающей тенденции к оспариванию гегемонии США со стороны «восходящих держав» проблема легитимации доминирования в международной политике приобретает особую значимость. Вместе с тем наиболее влиятельные западные теории (неореализм, неолиберальный институционализм, социальный конструктивизм, неомарксизм) исследуют эту проблему либо на уровне действий и свойств отдельных государств, либо на уровне материальных, социальных и идеологических структур, призванных обеспечить воспроизводство политического неравенства. Такая ситуация затрудняет формирование целостного понимания механизмов легитимации доминирования

в международной политике. Стремясь способствовать преодолению этой двойственности, автор статьи опирается на идейное наследие Английской школы и исследует стратегии легитимации американской гегемонии, посредством которых США стремятся обеспечить признание своего привилегированного положения. Автор фокусируется на ключевых гегемонистских ролях США: «лидер», «блеститель», «гарант безопасности» и «гарант процветания» – с тем, чтобы раскрыть механизмы, обеспечивающие сопряжение между политикой Вашингтона и «первичными целями» современного международного общества. Применение данного подхода позволяет включить в исследование переменные как «унитарно-

го» (действия и идеи гегемонистского государства), так и «структурного» (ролевые предписания и коллективные цели сообщества государств) уровней и, таким образом, сформировать более всеобъемлющее понимание механизмов легитимации «американской гегемонии» после окончания холодной войны. Автор приходит к выводу, что преследуемые Соединёнными Штатами Америки ролевые практики легитимности не только обеспечивают воспроизводство властных отношений, но также содержат латентный источник напряжения, подрывающий «американскую гегемонию» в условиях соперничества между США и «восходящими державами».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: США, гегемония, легитимность, Английская школа.

Введение

По мере того как эрозия материального превосходства и нормативного лидерства США становится более заметной, а «либеральный мировой порядок» сталкивается с вызовом со стороны восходящих держав, проблема легитимности доминирования в международной политике приобретает особый исследовательский интерес. В западной научной литературе можно выделить несколько магистральных подходов к изучению этой проблематики. *Неореалистские теории* («теория транзита власти», «теория гегемонистской стабильности», «теория цикла мощи») фокусируются на способности доминирующих держав поддерживать выгодный для второстепенных государств статус-кво с помощью идеологии и системных правил [Organski, 1969, p. 364; Kugler, Organski, 1988, p. 116], экспортирования своего политического режима и экономической модели в международном масштабе [Lemke, 2002, p. 22],

а также предоставления «общественных благ» [Gilpin, 1981, p. 34]. Практическая реализация этих способностей предполагает исполнение доминирующей державой специфических функций («ролей»), обеспечивающих приемлемое распределение выгод среди менее могущественных государств и целостность всей международной системы, что в конечном счете обеспечивает легитимность власти «гегемона». Так, согласно сторонникам теории цикла мощи (*power cycle theory*), могущественные державы склонны легитимировать свою власть путем исполнения «системных внешнеполитических ролей», включающих неформальные обязательства, обусловленные положением государства в международной системе и его способностью обеспечивать безопасность других государств [Doran, 1991, p. 30–31]. Важно отметить, что эти роли обусловлены не только преобладающими ресурсами доминирующих держав, но также социальными ожиданиями политических элит других государств, которые «наблюдают различные проявления внешней политики [доминирующего государства] и формируют представление о роли этого государства в международных делах» [Lahneman, 2003, p. 100]. Таким образом, воспринимаемая легитимность могущественной державы зависит от внешних ролевых предписаний, формирующих «признаваемую нишу, внутри которой страна может использовать свою мощь» и которая «меняется в зависимости от целей государства, его стратегии, материальных ресурсов, а также готовности других акторов принять эту роль» [Doran, 2003, p. 31]. Сторонники *либерально-институционалистского подхода* рассматривают проблему легитимности доминирования с точки зрения центральной роли гегемонистских институтов и режимов, которые создаются могущественными державами

для поддержания базовых правил, управляющих международными отношениями [Keohane, Nye-jr., 1977, p. 44]. Согласно этому пониманию, легитимность «американской гегемонии» опирается на многосторонние форматы (союзы, партнерства, международные организации), снижающие тревогу второстепенных государств относительно властной асимметрии [Ikenberry, 2006, p. 190–191], присущей современной международной системе, а также на кооперативную безопасность, союзническое партнерство и демократическую солидарность [Ikenberry, 2010, p. 512]. Кроме того, эти институты поддерживают взаимовыгодные политические сделки («контракты») между доминирующим и менее могущественными государствами, в рамках которых первое соглашается обеспечивать порядок в обмен на контроль над суверенными правами последних. Международные иерархии, произрастающие из таких сделок, придают легитимность властным отношениям, внутри которых подчиненные государства оказываются зависимыми от структур авторитета, поддерживающих существующий политический порядок [Lake, 2009, p. 29–30]. Согласно этой логике, пока выгоды второстепенных держав от создаваемых доминирующим государством международных иерархий остаются значительными, весь гегемонистский порядок рассматривается как легитимный. Если же издержки возрастают и политические предпочтения становятся отличными от предпочтений гегемона, легитимность иерархии будет ослабевать [Lake, 2013, p. 75–76], что неминуемо влечет за собой упадок гегемонистского лидерства.

Как следует из аргументов сторонников *конструктивистского подхода*, легитимность господства одного государства над другими обеспечивается благодаря идеологическим структу-

рам, социальным практикам, институционализированным нормам и интерсубъективным смыслам [Hopf, 1998, p. 199], придающим доминированию нормативный характер. При этом степень влияния могущественной державы определяется способностью обеспечивать международное признание его идентичности и оправдывать свои действия посредством апелляции к нормам общепринятого поведения. Кроме того, участники политических отношений должны принять социальную структуру, в рамках которой применяется власть, что предполагает трансформацию мощи в рационально-легальное полномочие с помощью международных организаций и правил, подкрепленных набором ценностей и разделяемых интересов, которые обеспечивают согласие и поддержку со стороны менее могущественных держав [Finnemore, 2009, p. 68]. В результате доминирование одной державы преобразуется в «гегемонию» как особый тип мирового порядка, в котором «общепринятые процедурные и субстантивные нормы цементируют социальную иерархию, снижая необходимость использования принуждения» [Reus-Smith, 2004, p. 66] и обеспечивая воспроизводство властных отношений.

Наконец, последователи неограмшианского подхода, сформировавшегося в рамках *неомарксистской теории*, рассматривают «гегемонию» как особый тип легитимного правления, опирающегося на создаваемый доминирующим государством порядок, функционирующий в соответствии с общими принципами, которые обеспечивают сохранение превосходства государства-лидера, но в то же время обеспечивают удовлетворение интересов менее могущественных государств [Cox, 1987, p. 7]. Важно отметить, что этот гегемонистский мировой порядок опирается не только на ресурсы

государства-лидера, но также на идеи и институты, вовлеченные в процесс проецирования мощи доминирующей державы. В то время как «ресурсы» соотносятся с экономическим и военным потенциалом, «идеи» включают разделяемые представления о природе и истоках легитимности существующих властных отношений, а «институты» представляют собой наборы правил, отражающих преобладающие властные отношения и поддерживающие коллективные образы, соответствующие этим отношениям, благодаря чему весь общественный порядок обретает устойчивость. При этом именно институты играют ключевую роль в процессе легитимации доминирования, поскольку они закрепляют нормы международного порядка, кооптируют и социализируют политические элиты второстепенных государств, а также поглощают и делегитимируют антигегемонистские идеи [Cox, Sinclair, 1996, p. 137–138].

В целом обозначенные теоретические течения рассматривают легитимность доминирования как обусловленную либо *действиями* могущественных держав (предоставление «общественных благ», поддержание системных правил, защита статус-кво, соответствие внешним ролевым ожиданиям и т. д.), либо различными *структурами* (рациональными, идеологическими, институциональными и т. д.), оправдывающими и закрепляющими сложившиеся властные отношения. Как следствие, сохраняется известная методологическая двойственность, обусловленная существованием двух слабо связанных между собой уровней анализа, что затрудняет формирование целостного подхода к изучению стратегий легитимации гегемонистского правления. Для преодоления этой двойственности автор статьи привлекает теоретико-методологические принципы Английской школы, предполагающие исследование

проблемы легитимации доминирования во взаимосвязи с гегемонистскими ролями, успешное исполнение которых способствует увязыванию действий могущественной державы с коллективными целями международного общества. Достижение этой цели подразумевает анализ природы гегемонистской легитимности, а также изучение «ролевых» стратегий легитимации, посредством которых Соединённые Штаты Америки стремились обеспечить признание их доминирующего положения в современной международной системе. Таким образом, включение в исследование переменных «унитарного» (действия и идеи гегемонистского государства) и «структурного» (ролевые предписания и коллективные цели сообщества государств) уровней позволит сформировать более всеобъемлющее понимание механизмов воспроизводства американской гегемонии после завершения холодной войны.

Международное общество и проблема «гегемонистской» легитимности

Согласно устоявшимся теоретическим представлениям, стабильное функционирование любого общества предполагает наличие консенсуса относительно того, что существующие властные отношения являются «законными и уместными в рамках социально сконструированной системы норм, ценностей и убеждений» [Suchman, 1995, p. 574]. С этой точки зрения именно «легитимность» определяет способность общественных систем конвертировать доминирование в авторитет и, как следствие, обеспечивает воспроизводство отношений господства и подчинения. Применительно к международному обществу, понимаемому сторонниками Английской школы как

группа регулярно взаимодействующих государств, объединенных правилами, ценностями и институтами [Bull, 1995, p. 202], проблема легитимации властных отношений приобретает особую важность в силу анархичной природы мировой политики. Так, в условиях отсутствия высшей легитимной власти за пределами национальных границ государства постоянно сталкиваются с необходимостью обеспечивать признание своих действий как приемлемых или желательных в контексте сложившихся представлений о коллективных целях международного общества. Особую роль соображения легитимности играют в политике доминирующих держав, поскольку поддерживаемый исключительно за счет материального превосходства международный порядок увеличивает риски дезинтеграции гегемонистской системы правления, усиливает дефицит доверия, а также создает стимулы для сопротивления со стороны второстепенных государств [Wight, 2006, p. 130]. Поэтому могущественные государства заинтересованы в том, чтобы быть признанными в качестве полноправных суверенов, а также создателей и интерпретаторов правил, наделенных полномочиями на применение силы [Rapkin, Braaten, 2009, p. 120]. С этой целью они соглашаются принять ограничения на свое поведение в виде обязательств не претендовать на чрезмерные «особые права» и действовать в соответствии с ими же установленными правилами международного порядка [Clark, 2011, p. 47].

Эти добровольные уступки имеют принципиальное значение с точки зрения признания и принятия существующих неравноправных отношений второстепенными государствами, стремящимися сделать поведение гегемона более предсказуемым и менее агрессивным. Кроме того, эффективная легитимация политического неравноправия

между доминирующей державой и менее могущественными государствами во многом зависит от способности первого убеждать последних в приемлемости сложившихся условий взаимодействия, а также необходимости подчиняться существующим правилам и институтам, благодаря которым неравноправные отношения могут быть признаны законными [Hurd, 1999, p. 381]. Для достижения этой цели доминирующие державы формулируют специфические концепции легитимности, позволяющие преобразовывать материальное превосходство в авторитет, опирающийся на разделяемое убеждение в том, что их господство необходимо для достижения коллективного блага [Krisch, 2005, p. 374]. Как правило, эти концепции задают «общественную цель» (например, сохранение мира и укрепление всеобщего процветания), а также содержат представления о *правомочности* (почему доминирующая держава имеет право на применение своей мощи?) и *целесообразности* (каким образом использование гегемонистской власти позволяет достигать общих целей?) и, как следствие, модифицируют изначальное общественное соглашение относительно надлежащих форм международного поведения [Clark, 2005, p. 6]. Посредством культивирования коллективных представлений о необходимости и полезности гегемонии эти концепции формируют фундаментальные оправдания, побуждающие ведущих акторов соглашаться с существующим распределением мощи и соответствующими правилами игры [Cronin, 2001, p. 108]. При этом воспроизводство неравноправных отношений предполагает использование доминирующим государством имеющихся в его распоряжении ресурсов согласно особым обязательствам, «которые обеспечивают принцип социальной дифференциации

для решения коллективных проблем в мире, для которого характерны как формальное равенство, так и фактическое неравенство материальных возможностей» [Special Responsibilities..., 2012, p. 16]. Поскольку эти обязательства помогают увязать «идентичности, интересы, практики или институциональные проекты» [Reus-Smith, 2007, p. 159] гегемонистской державы с базовыми нуждами международного общества, становится очевидным, что легитимация преобладающей мощи не ограничивается риторическим оправданием предпринимаемых доминирующим государством действий, но также предполагает осуществление социально одобряемой деятельности (использование дипломатии, предоставление «общественных благ», руководство временными коалициями и т. д.), направленной на достижение коллективных целей международного общества.

Таким образом, стратегии легитимации доминирования в международной политике имеет смысл рассматривать в качестве регулярных практик, посредством которых могущественные державы оправдывают свое привилегированное положение и связанные с этим положением особые права (установление системных правил, посредничество при урегулировании международных конфликтов, предоставление общественных благ и т. д.) в контексте разделяемых сообществом государств представлений о правомочности и целесообразности. В конечном счете эти практики особых обязательств позволяют увязать действия могущественного государства с коллективными целями международного общества посредством регулярной вовлеченности гегемона в «организованные паттерны поведения, с помощью которых осуществляется социальный контроль и удовлетворяются фундаментальные общественные нужды» [Wight, 1991,

p. 140–141]. Поэтому исполняемые доминирующей державой гегемонистские роли заслуживают особого внимания в качестве практик легитимности, формирующих точки сопряжения между политикой могущественного государства и социальной структурой международного общества, которая наделяет своих членов дифференцированными позициями (например, «лидер» и «последователи», «сверхдержава» и «сателлиты», «старший партнер» и «младший партнер» и т. д.) и полномочиями (например, особые права и обязанности «великих держав»).

«Ролевые» стратегии легитимации гегемонии США

Превращение США в единственную сверхдержаву вследствие распада Советского Союза не только означало кардинальное изменение баланса сил, но также привело к углублению противоречия между формальным принципом суверенного равенства и крайне неравномерным распределением материальных ресурсов внутри международной системы. Как следствие, США столкнулись с необходимостью создания функциональной замены системы баланса сил посредством принятия на себя особой международной роли, предполагающей активное участие в создании легитимного гегемонистского порядка, опирающегося хотя бы на минимальную причастность к управлению этим порядком второстепенных государств, поддерживающих лидерство Вашингтона и готовых действовать в соответствии с установленными им правилами и институтами [Ikenberry, Nexon, 2019, p. 413]. Поскольку стабильная гегемония подразумевает наличие «надежных обязательств со стороны доминирующего государства не эксплуатировать второстепенные

страны, если они принимают авторитет этого доминирующего государства» [Kang, 2010, p. 597], Соединённые Штаты Америки были заинтересованы в укреплении своего гегемонистского авторитета как особого типа легитимной власти, возникающей из «наборов идей и правил, которые определяют природу данного порядка и общественных отношений внутри него» [Kurchan, 2014, p. 20]. Обеспечение устойчивости такого порядка, в свою очередь, предполагало предоставление Соединёнными Штатами Америки «общественных благ», установление системных правил и наказание отказывающихся подчиняться установленным нормам [Lake, 2009, p. 112–113].

В конечном счете это должно было привести к формированию институционализированной международной среды, внутри которой США сохраняли бы способность проецировать мощь без риска открытого сопротивления второстепенных государств. Для этого Вашингтону было необходимо сформировать прочный социальный фундамент асимметричного распределения материальной мощи посредством культивирования ощущения уместности существующего неравенства и властной асимметрии, а также принятия на себя особых обязательств. Поэтому исполнение Соединёнными Штатами Америки роли «гегемона» предполагало принятие ответственности по поддержанию правил и институтов международного порядка, обеспечивающих трансформацию американской мощи в общепризнанный авторитет, наделяющий Вашингтон особыми правами [Jkenberry, 2011, p. 111] и компетенциями. При этом для США было важно соответствовать ролевым ожиданиям (например, «гегемон» должен предоставлять общественные блага, формулировать системные правила, противодействовать системным вызовам и т. д.), разде-

ляемым членами международного общества. Успешное исполнение этой роли было важно с точки зрения укрепления гегемонистского авторитета США и сглаживания обнажившегося после завершения холодной войны противоречия между крайне асимметричным распределением ресурсов и принципом формального суверенного равенства государств.

Поэтому соответствующие усилия Вашингтона можно рассматривать как «ролевую» стратегию легитимации, посредством которой Соединённые Штаты Америки стремились убедить сообщество государств в том, что их действия направлены на достижение коллективных целей и что их экстраординарная мощь как «нации, сила и лидерство которой критически важны для стабильного и демократического порядка» [*National Security Strategy...*, 1993, p. ii] является легитимной. В частности, США стремились действовать как «блюститель» системных правил путем демонстрации (как в случае с кризисом в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг.) и применения военной силы (кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг., боснийский кризис 1992–1995 гг., косовский кризис 1999 г.), что в конечном счете должно было способствовать поддержанию статус-кво и укреплению региональной стабильности. Также США предпринимали усилия, направленные на ограничение дестабилизирующего воздействия таких государств, как Куба, Ливия и КНДР, а также создавали, адаптировали и расширяли различные международные организации, режимы и партнерства для формирования нормативной среды, способствующей достижению фундаментальных целей международного общества. Например, США содействовали трансформации ГАТТ во Всемирную торговую организацию и расширению Договора о нераспространении

нии ядерного оружия (ДНЯО), а также прилагали усилия по созданию зоны свободной торговли в Западном полушарии и стабилизации постсоциалистических государств с помощью ОБСЕ, программы «Партнерство ради мира» и НАТО. Кроме того, США проявили стремление способствовать возрождению ОАГ как главной площадки обсуждения общих проблем Западного полушария, продвигали АТЭС в качестве инструмента финансовой либерализации торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также укрепляли региональную стабильность и содействовали снижению конфликтного потенциала региона с помощью системы двусторонних союзов, а также многосторонних форматов взаимодействия. Не менее важно, что Соединённые Штаты Америки стремились играть роль «лидера» посредством руководства международными усилиями в рамках временных коалиций, опирающихся на организационные и материальные ресурсы Вашингтона, что в конечном счете должно было способствовать реализации его ответственности по сохранению мира. В частности, США исполняли эту роль путем мобилизации и координации действий партнеров, задавая тем самым направление общих усилий и обеспечивая достаточную гибкость при использовании военной силы. Успешное исполнение роли «лидера» позволяло Соединённым Штатам Америки рассчитывать на то, что их действия и доминирующее положение будут восприниматься как неразрывно связанные с целями международного общества (разрешение региональных конфликтов, предотвращение агрессии, неприменение ОМУ и т. д.), что, в свою очередь, имело ключевое значение с точки зрения легитимации их власти.

Кроме того, после завершения холодной войны США обозначили стрем-

ление сохранить роль «гаранта безопасности» с тем, чтобы расширять «зону мира, препятствовать силам фрагментации, угрожающим международному порядку, миру и стабильности, а также предотвращать агрессию ... и способствовать мирному разрешению долгосрочных конфликтов» [National Security Strategy..., 1993, p. 5–6]. Так, Соединённые Штаты Америки предпринимали усилия по укреплению мира на Ближнем Востоке, на Балканах, а также активно участвовали в миротворческих операциях ООН по урегулированию многочисленных локальных конфликтов. Вовлеченность в эти операции предполагала предоставление Вашингтоном средств, необходимых для того, чтобы ООН могла играть более значимую роль в международной безопасности [Sewall, 2001, p. 194] и выступать в качестве инструмента предотвращения и разрешения конфликтов [National Security Strategy..., 1993, p. 7]. Например, в ходе Боснийского кризиса (1992–1995) Соединённые Штаты Америки стремились внести вклад в процесс мирного урегулирования посредством включения своих вооруженных сил в состав миротворческой миссии ООН, не отказываясь от активной роли в эволюции европейской архитектуры безопасности и предпринимая усилия по сохранению за НАТО центральной роли в этом процессе [National Security Strategy..., 1996, p. 35]. При этом США акцентировали легитимность своей вовлеченности в разрешение международных конфликтов в качестве «гаранта безопасности», подкрепляя свои действия заявлениями о том, что «международное сообщество зачастую неохотно действует энергично в отсутствие американского лидерства» [National Security Strategy..., 1999, p. 3] и не располагает «достаточно высококачественными вооруженными силами, обученными и способ-

ными выполнять ... миротворческие операции» [National Security Strategy..., 2006, р. 16]. Хотя во второй половине 1990-х годов Вашингтон начал отстраняться от участия в миротворческих миссиях ООН, отдавая предпочтение таким механизмам разрешения международных кризисов, как региональные организации и «коалиции желающих»; участие в миротворческих операциях сохранило определенное символическое значение для Соединённых Штатов Америки с точки зрения демонстрации их вовлеченности в разрешение насущных проблем международного общества.

США также стремились исполнять роль «гаранта безопасности» путем содействия мирному процессу на Ближнем Востоке, поддержания свободного потока нефти, ограничения распространения ОМУ, препятствования торговле обычными вооружениями, а также сдерживания терроризма [National Security Strategy..., 1991, р. 10]. Наряду с этим США стремились свести к минимуму вероятность появления в регионе Персидского залива «нового агрессора, угрожающего независимости соседних государств» [National Security Strategy..., 1996, р. 42–43] посредством предотвращения угроз региональной стабильности, особенно со стороны таких государств, как Иран и Ирак. Действуя в таком ключе, Соединённые Штаты Америки фактически исполняли роль «жандарма Залива» [Posen, 2014, р. 108], принятую на себя Вашингтоном после агрессии Ирака в отношении Кувейта в августе 1990 г. Последовательное исполнение этой роли, наряду с ролями «арбитра» и «посредника» в урегулировании внутрирегиональных конфликтов (прежде всего палестино-израильского), позволяло укреплять легитимность власти США посредством увязывания их вовлеченности в дела Ближнего Востока с такими коллективны-

ми целями международного общества, как обеспечение процветания (благодаря стабильному доступу к энергетическим ресурсам) и недопущение борьбы за региональную гегемонию.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе Соединённые Штаты Америки стремились сохранить свою вовлеченность посредством сохранения и расширения обязательств перед «новым тихоокеанским сообществом», основы которого были заложены еще при первой администрации Б. Клинтона (1992–1996). Построение такого сообщества предполагало увязывание целей по обеспечению региональной безопасности с действиями США по продвижению демократии и прав человека, составляющими целостное видение, «цементирующее роль Америки как стабилизирующей силы ... в азиатско-тихоокеанском регионе» [National Security Strategy..., 1999, р. 34]. С этой целью, действуя в партнерстве с региональными союзниками, Соединённые Штаты Америки стремились сформировать долгосрочную траекторию демократического развития региона. Достижение этой цели предполагало опору на традиционные форматы взаимодействия (АТЭС, региональный форум АСЕАН) и создание новых инициатив и институтов, таких как расширенное партнерство США – АСЕАН, направленное на объединение азиатских стран для противодействия новым вызовам [National Security Strategy..., 2006, р. 40]. Предполагалось, что эта институциональная структура, нацеленная на распространение свободы, укрепление процветания и региональной безопасности, должна опираться на фундамент традиционных альянсов с ключевыми союзниками США в регионе. Поэтому США стремились культивировать «особые отношения» с Японией, Южной Кореей, Австралией, Таиландом и Филиппинами как важными региональными игроками, готовыми

признать фундаментальную роль США в сфере поддержания региональной безопасности [National Security Strategy..., 1996, p. 40]. Такие ролевые ожидания, подкрепленные многосторонними форматами и двусторонними обязательствами, позволяли обеспечивать легитимность американской вовлеченности в региональные дела и тем самым обеспечивали устойчивость социального фундамента региональной политической иерархии [Goh, 2019, p. 618], возглавляемой Вашингтоном со времен холодной войны. Вместе с тем стоит отметить, что в последнее десятилетие роль США как «гаранта безопасности» в АТР приобрела новое звучание в контексте усиления ревизионистских тенденций в политике Китая, обозначившего намерение изменить как региональный баланс сил (путем наращивания военной мощи), так и территориальный статус-кво (посредством расширения суверенитета над акваторией Южно-Китайского моря) [Goldstein, 2020, p. 188–89]. В этом отношении готовность Вашингтона противодействовать вызовам региональному порядку со стороны КНР посредством расширения военного присутствия в АТР, а также укрепления и расширения союзнических обязательств (например, создание альянса AUKUS в сентябре 2021 г.) приобретает принципиальное значение с точки зрения сохранения статус-кво в регионе и поддержания легитимности американской вовлеченности.

Применительно к европейскому региону роль «гаранта безопасности» предполагала, что США принимают на себя ответственность за укрепление открытых и демократических систем, обеспечивающих права человека и уважение к каждому гражданину [National Security Strategy..., 1993, p. 3], а также за усиление демократических и рыночных институтов и норм в странах, находящихся в состоянии перехо-

да от закрытого общества к открытому [National Security Strategy..., 1999, p. 25]. Согласно этим приоритетам, Соединённые Штаты Америки проводили политику поощрения демократизации бывших республик Советского Союза и государств, ранее входивших в Организацию Варшавского договора. В то же время Вашингтон последовательно расширял масштабы сотрудничества в сфере безопасности с новыми демократиями ЦВЕ и бывшего СССР с помощью таких механизмов, как программа «Партнерство ради мира», нацеленное на расширение контроля США над развитием постсоциалистических стран, а также стремился предотвратить появление европейского центра силы путем нейтрализации попыток европейских держав проводить независимую политику в сфере безопасности [Beckley, 2015, p. 41]. На текущий момент в контексте нарастающей конфронтации между Россией и Трансатлантическим сообществом ограничение европейской автономии в сфере безопасности и усиление вовлеченности США в региональные процессы стали первоочередными приоритетами действующей администрации Дж. Байдена. При этом способность (и желание) Вашингтона играть роль «гаранта безопасности» посредством оказания давления на Москву, координации и укрепления трансатлантического сотрудничества, а также обеспечения доступа США к критической инфраструктуре и линиям коммуникации для возможных военных действий в Западной Евразии [Meijer, Brooks, 2021, p. 12] приобретает всё большее значение с точки зрения легитимации американской вовлеченности в региональные процессы.

Стоит отметить, что эта роль также имеет глобальное измерение, поскольку подразумевает принятие Соединёнными Штатами Америки «фундамен-

тальной ответственности по ограничению распространения ядерного оружия и снижению риска ядерной войны» [National Security Strategy..., 1999, p. 8]. Так, Соединённые Штаты Америки стремились руководить коллективными действиями международного общества в этом направлении, используя свое привилегированное положение в Совбезе ООН для превращения этого института в ключевой форум по нераспространению ядерного оружия [National Security Strategy..., 1993, p. 7]. Усилия США были также направлены на укрепление международного режима нераспространения ядерного оружия посредством наделения большей значимостью Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и Конвенции о биологическом оружии [National Security Strategy..., 1999, p. 9]. Не менее важно, что Соединённые Штаты Америки пытались возглавить международные усилия, направленные на обеспечение бессрочного и безусловного продления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), и инициировали переговоры о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний. Также США стремились содействовать укреплению стратегической стабильности в Европе путем снижения количества межконтинентальных баллистических ракет и обеспечения согласия Украины, Казахстана и Беларуси уничтожить находящееся на территории этих государств ядерное оружие и присоединиться к ДНЯО [National Security Strategy..., 1996, p. 8]. Стоит отметить, что впоследствии Соединённые Штаты Америки разработали концепцию «контрраспространения», предполагавшей разработку высокоточного ядерного оружия, способного нане-

сти непоправимый ущерб средствам массового уничтожения противников США. Эта концепция оправдывала особую ответственность Соединённых Штатов Америки по противодействию попыткам оппонентов «получить возможность угрожать США и их союзникам с помощью ядерного оружия» [Special Responsibilities..., 2012, p. 103]. Апеллируя к своей особой ответственности в сфере нераспространения, Вашингтон запустил Инициативу по безопасности в борьбе с распространением ядерного оружия, предполагавшую мобилизацию международных усилий по остановке перемещения ОМУ, а также систем доставки и связанных материалов. При этом американское руководство делало особый акцент на том, что США «как единственная ядерная держава, использовавшая ядерное оружие», несет «моральную ответственность за то, чтобы предпринимать действия»¹ и направлять усилия международного сообщества.

Наконец, после окончания холодной войны США стремились сохранить приверженность такой коллективной цели, как укрепление всеобщего благосостояния, делая особый акцент на своей особой роли как нации, принявшей «лидерство в формировании фундамента глобальной экономической системы, основанной на многостороннем сотрудничестве, свободной торговле, международных институтах финансового сотрудничества и помощи в развитии» [National Security Strategy..., 1993, p. 3]. Так, на протяжении 1990-х годов Вашингтон стремился расширить охват системы свободной международной торговли посредством создания НАФТА и превращения ГАТТ во Всемирную торговую организацию,

¹ Remarks By President Barack Obama In Prague As Delivered. – The White House. Office of the Press Secretary. – 2009. – April 5. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered> (дата обращения: 21.06.2022).

вовлечения Китая в мировую торговлю через предоставление КНР режима наибольшего благоприятствования в торговле и обеспечения приверженности Пекина правилам ВТО. Соединённые Штаты Америки также предпринимали усилия, направленные на открытие развивающихся рынков путем поддержки форума АТЭС и создание панконтинентальной зоны свободной торговли [National Security Strategy..., 1996, р. 28]. Кроме того, желая поддержать региональный экономический рост в Западном полушарии, США развивали партнерство с МВФ, Всемирным банком, Межамериканским банком развития и правительствами Латинской Америки с тем, чтобы помочь странам региона в их транзите к открытому рынку [National Security Strategy..., 1999, р. 40]. С наступлением XXI в., однако, на фоне подъема левых и националистических настроений общественность и политические элиты многих государств Латинской Америки начали рассматривать Соединённые Штаты Америки в качестве империалистической державы, проводящей политику неоколониалистского толка, нацеленную на закрепление зависимого положения стран региона от американского рынка. Во многом это было обусловлено разочарованием результатами неолиберальных реформ 1990-х годов, «левым поворотом» середины 2000-х годов, а также последствиями глобального кризиса 2008–2009 гг., продемонстрировавшим ограниченную способность США контролировать международную финансовую систему. В результате многие латиноамериканские страны изменили свои ролевые ожидания в отношении США, отвергнув притязания Вашингтона на роль «спонсора экономического и общественного порядка» [Nicholls, 2020, р. 614], что существенно ограничило возможности проецирования американского влияния в регионе.

Стоит отметить, что, хотя США всегда стремились извлекать выгоды из своего особого положения в мировой экономике посредством создания и расширения либерального экономического порядка, отвечающего американским национальным интересам, они пытались исполнять роль экономического лидера путем предоставления «общественных благ, необходимых для поддержания поступательного развития системы» [Mastanduno, 2009, р. 121–122]. Делая акцент на том, что глобальная экономическая система, способствующая свободному перемещению товаров, капитала и труда, «наилучшим образом способствует нашему процветанию и процветанию других» [National Security Strategy..., 1993, р. 3], США прилагали заметные усилия по формированию соответствующей финансово-экономической архитектуры посредством активной вовлеченности в деятельность таких организаций как, G7 и G20, ВТО и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Наряду с этим Соединённые Штаты Америки приняли на себя ответственность за управление сохраняющимися глобальными дисбалансами в мировой экономике и обеспечение финансовой стабильности с помощью американского доллара как резервной валюты, а также МВФ как ключевого источника ликвидности для многих развивающихся государств [Special Responsibilities..., 2012, р. 168]. Как следует из текущей редакции Стратегии национальной безопасности США, эти действия позволяли Вашингтону сохранять центральную роль в международных финансовых форумах, предполагающую создание инструментов стабилизации мировой экономики, и устранять различные трения в этой сфере [National Security Strategy..., 2017, р. 17]. Действуя в таком ключе, США стремятся продемон-

стрировать приверженность укреплению «сотрудничества, которое расширяет благосостояние партнеров», а также защите открытых рынков и обществ, исполняя тем самым «катализирующую роль» в мировой экономике.

В конечном счете усилия США по стимулированию экономического роста на глобальном и региональном уровнях призваны увязать действия Вашингтона с такими нуждами международного общества, как укрепление всеобщего процветания, недопущение (или смягчение последствий) кризисов и стабилизация мировой экономической системы, что, в свою очередь, способствовало бы укреплению легитимности власти США. В целом стратегии легитимации «американской гегемонии» предполагали демонстрацию Соединёнными Штатами Америки готовности исполнять такие роли, как «лидер» сообщества государств, «блюститель» системных правил, а также «гарант» международной безопасности и процветания. Институционализация этих ролей в качестве регулярных практик особой ответственности, посредством которых обеспечивалось достижение коллективных целей и закреплялась властная асимметрия между США и менее могущественными государствами, имела ключевое значение с точки зрения воспроизводства структурных дисбалансов, характерных для международного общества после окончания холодной войны.

В то же время Соединённые Штаты Америки всё чаще испытывают своего рода ролевое напряжение, обусловленное противоречием между стремлением, с одной стороны, выступать в качестве альтруистичного «гегемона», а с другой – придавать первоочередное значение собственным интересам и действовать как эгоистичная «великая держава» [Ikenberry, 2011, p. 299]. Это стало особенно заметным при пре-

зидентстве Д. Трампа, администрация которого поддержала выход Великобритании из Европейского союза, стремилась перераспределить бремя издержек внутри НАТО, а также отстаивать принципы экономического национализма, ставя тем самым под сомнение свою роль как «гегемонистского стабилизатора» [Stokes, 2018, p. 133–134] международной системы. Предположительно, такие установки в политике США были обусловлены необходимостью сократить объемы ресурсов, направляемых на поддержание своих международных обязательств, с тем чтобы укрепить потенциал для противостояния с Китаем и Россией, отказавшимися принимать на себя роли «стержневых государств», поддерживающих «либеральный международный порядок» и способствующих его развитию [Mastanduno, 2019, p. 487]. В пользу этого аргумента свидетельствует то, что США столкнулись с существенными трудностями в противодействии стремлению России и Китая действовать вопреки правилам «либерального международного порядка» и укреплению безопасности в Европе и Восточной Азии, имели ограниченный успех в мобилизации сообщества государств для прекращения гражданской войны в Сирии и укрепления мира на Ближнем Востоке, а также спровоцировали замедление темпов роста мировой экономики посредством инициирования «торговой войны» с КНР и пересмотра своих обязательств по поддержанию международной системы свободной торговли. Эти обстоятельства могут также говорить о стремлении Вашингтона пересмотреть свою гегемонистскую роль с тем, чтобы предотвратить возможный упадок лидерства путем возврата к стратегии сдерживания, реализуемой в отношении восходящих держав. С этой точки зрения такие действия США, как выход из ряда согла-

шений в сфере безопасности (договор РСМД, Договор по открытому небу) и международной торговли (Транстихо-океанское партнерство), свидетельствуют о том, что сокращающиеся ресурсы и оспариваемые восходящими державами правила «американской гегемонии» побуждают Вашингтон увеличивать отрыв от конкурентов в военной и экономической сферах путем освобождения от обязывающих соглашений и наращивания односторонних преимуществ. Такие действия, обусловленные нарастанием связанных с поддержанием гегемонистского статуса издержек и сокращением непосредственных выгод от исполнения Соединёнными Штатами Америки ролей «лидера», «блюстителя» системных правил, а также «гаранта» международной безопасности и процветания, способствуют дальнейшему ослаблению взаимосвязи между действиями Вашингтона и коллективными целями международного общества. Эта тенденция, усиленная подъемом национализма, делающего акцент на интересах одного государства в ущерб другим, ростом популизма, стремящегося защитить интересы «народа» от эгоистичных устремлений «элит», и усилением авторитаризма, отвергающего ключевые элементы либеральных политических порядков [Lake, Martin, Risse, 2021, p. 238], может быть отнесена к числу фундаментальных вызовов гегемонии США в XXI в. Она также демонстрирует, что исполняемые США гегемонистские «роли» не являются производными от свойств «единственной сверхдержавы» (материальная мощь, политический режим, идентичность) или ее системного положения, но, скорее, представляют собой точки сопряжения, увязывающие действия Вашингтона с коллективными целями международного общества и тем самым способствующие укреплению легитимности его власти.

Заключение

Использование Соединёнными Штатами Америки «ролевых» стратегий легитимации имело важное значение с точки зрения воспроизводства «американской гегемонии» после окончания холодной войны. Стремясь действовать как «лидер», «блюститель порядка», «гарант безопасности» и «гарант процветания», США преследовали соответствующие практики особых обязательств с тем, чтобы придать легитимность их привилегированному положению как необходимому условию достижения коллективных целей международного общества. Так, путем создания многосторонних коалиций, формирования международного консенсуса относительно системных правил и наказания их нарушителей, принятия мер по укреплению международной безопасности и либерализации мировой торговли Соединённые Штаты Америки стремились продемонстрировать приверженность миру, стабильности и процветанию сообщества государств. При этом используемые США стратегии легитимации не сводились к риторическому оправданию действий Вашингтона или выполнению системно значимых функций в обмен на лояльность со стороны менее могущественных держав. Скорее, институционализированные в виде гегемонистских ролей практики особой ответственности Вашингтона выступали в качестве связующего звена, обеспечивающего сопряжение действий «единственной сверхдержавы» с социальной структурой международного общества. Это, в свою очередь, способствовало сохранению за Соединёнными Штатами Америки положения «лидера» и укреплению за второстепенными государствами позиций «последователей», «союзников» и «партнеров» Вашингтона. В конечном счете эти практики были

нацелены на обеспечение воспроизводства властных отношений, присущих американской гегемонии, опирающейся на асимметричное распределение ресурсов и функционирующей согласно правилам, наделяющим США особыми правами и обязанностями внутри международного общества.

В то же время, если в эпоху холодной войны США поддерживали гегемонистский статус внутри либерально-демократического сообщества посредством исполнения роли «лидера свободного мира», в современных условиях разнообразие вызовов (от ревизионизма «восходящих держав» до разного рода транснациональных угроз) формирует гораздо более широкое разнообразие ролевых ожиданий в отношении Соединённых Штатов Америки со стороны их последователей. Это становится серьезным вызовом гегемонистской легитимности США по мере того, как структурные сдвиги вынуждают их возвращаться к использованию стратегий времен холодной войны («сдерживание», «устрашение») как инструментам закрепления своего доминирующего положения. В результате назревает противоречие между ролевыми ожиданиями в отношении «государства-гегемона» (предоставление «общественных благ», поддержание региональных балансов сил, защита системных правил и т. д.) и фактическим стремлением Вашингтона использовать свой потенциал для укрепления фундамента своей постепенно ослабевающей мощи. Это снижает эффективность рассмотренных выше «ролевых» стратегий легитимации, поскольку отвлечение ресурсов от обеспечения коллективных нужд международного общества и их перенаправление на достижение стратегических задач самих США подрывает взаимосвязь между действиями Вашингтона и политической структурой «американской гегемонии», воспроизводство которой на протяжении десятилетий обеспечивалось готовностью США принимать на себя особые обязательства, институционализированные в виде целого набора гегемонистских ролей. Это усугубляет напряжение между ресурсами, которые всё в большей степени используются Соединёнными Штатами Америки для закрепления своего привилегированного положения, и правилами «американской гегемонии», наделяющими Вашингтон обширной ответственностью перед международным обществом и предписывающими содействовать достижению коллективных целей. Обозначенная тенденция подтачивает легитимность власти США и создает предпосылки для трансформации властных отношений, сложившихся между Вашингтоном и менее могущественными державами, для многих из которых усиление внешнеполитической автономии или переориентация на альтернативные центры силы становятся более привлекательными опциями, чем исполнение второстепенных ролей в рамках заданных «американской гегемонией» форматов взаимодействия.

Список литературы

Beckley M. The Myth of Entangling Alliances. Reassessing the Security Risks of U.S. Defense Pacts // *International Security*. – 2015. – Vol. 39, N 4. – P. 7–48. – DOI: 10.1162/ISEC_a_00197.

Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – 2nd ed. – New York : Columbia University Press, 1995. – Xviii + 329 p.

Clark I. Hegemony in International Society. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 276 p.

Clark I. Legitimacy in International Society. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – Viii + 278 p.

Cox R. *Production, Power, and World Order: Social Forces in the Making of History*. – New York : Columbia University Press, 1987. – 500 p.

Cox R., Sinclair T. *Approaches to World Order*. – New York : Cambridge University Press, 1996. – 552 p.

Cronin B. The Paradox of Hegemony: America's Ambiguous Relationship with the United Nations // *European Journal of International Relations*. – 2001. – Vol. 7, N 1. – P. 103–130. – DOI: 10.1177%2F1354066101007001004.

Doran Ch. Economics, Philosophy of History, and the “Single Dynamic” of Power Cycle Theory: Expectations, Conception, and Statecraft // *International Political Science Review*. – 2003. – Vol. 24, N 1. – P. 13–49. – DOI: 10.1177/0192512103024001002.

Doran Ch. *Systems in Crisis: New Imperatives of High Politics at 21st Century's End*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – Xviii + 294 p.

Finnemore M. Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity. Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked Up to Be // *World Politics*. – 2009. – Vol. 61, N 1. – P. 58–85. – DOI: 10.1017/S0043887109000082.

Gilpin R. *War and Change in World Politics*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – Xiv + 272 p.

Goh E. Contesting Hegemonic Order: China in East Asia // *Security Studies*. – 2019. – Vol. 28, N 3. – P. 614–644. – DOI: 10.1080/09636412.2019.1604989.

Goldstein A. (2020) China's Grand Strategy under Xi Jinping. Reassurance, Reform, and Resistance // *International Security*. – 2020. – Vol. 45, N 1. – P. 164–201. – DOI: 10.1162/isec_a_00383.

Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // *International Security*. – 1998. – Vol. 23, N 1. – P. 171–200. – DOI: 10.2307/2539267.

Hurd I. Legitimacy and Authority in International Politics // *International Or-*

ganization. – 1999. – Vol. 53, N 2. – P. 379–408. – DOI: 10.1162/002081899550913.

Ikenberry J. Getting Hegemony Right // *Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics*. – P. 186–196.

Ikenberry J. *Liberal Leviathan. The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. – Princeton : Princeton University Press, 2011. – 392 p.

Ikenberry J. The Liberal International Order and Its Discontents // *Millennium*. – 2010. – Vol. 38, N 3. – P. 509–521. – DOI: 10.1177%2F0305829810366477.

Ikenberry J., Nexon D. Hegemony Studies 3.0.: The Dynamics of Hegemonic Orders // *Security Studies*. – 2019. – Vol. 28, N 3. – P. 395–421. – DOI: 10.1080/09636412.2019.1604981.

Kang D. Hierarchy and Legitimacy in International Systems: The Tribute System in Early Modern East Asia // *Security Studies*. – 2010. – Vol. 19, N 4. – P. 591–622. – DOI: 10.1080/09636412.2010.524079.

Keohane R., Nye-jr. J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. – Boston, Massachusetts : Little Brown, 1977. – 300 p.

Krisch N. International Law in Times of Hegemony: Unequal Power and the Shaping of the International Legal Order // *European Journal of International Law*. – 2005. – Vol. 16, N 3. – P. 369–408. – DOI: 10.1093/ejil/chi123.

Kupchan Ch. Unpacking Hegemony: The Social Foundations of Hierarchical Order // *Power, Order, and Change in World Politics* / Ed. by J. Ikenberry. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – P. 19–60.

Lahneman W. Changing Power Cycles and Foreign Policy Role-Power Realignment: Asia, Europe, and North America // *International Political Science Review*. – 2003. – Vol. 24, N 1. – P. 97–111. – DOI: 10.1177%2F0192512103024001006.

Lake D. *Hierarchy in International Relations*. – Ithaca : Cornell University Press, 2009. – 248 p.

Lake D. *Legitimizing Power: The Domestic Politics of U.S. International Hierarchy* // *International Security*. – 2013. – Vol. 38, N 2. – P. 74–111. – DOI: 10.1162/ISEC_a_00139.

Lake D. *Regional Hierarchy: Authority and Local International Order* // *Review of International Studies*. – 2009. – Vol. 35, N 1. – P. 35–58. – DOI: 10.1017/S0260210509008420.

Lake D., Martin L., Risse Th. *Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization* // *International Organization*. – 2021. – Vol. 75, N 2. – P. 225–257. – DOI: 10.1017/S0020818320000636.

Lemke D. *Regions of War and Peace*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – Xii + 235 p.

Mastanduno M. *Partner Politics: Russia, China, and the Challenge of Extending U.S. Hegemony after the Cold War* // *Security Studies*. – 2019. – Vol. 28, N 3. – P. 479–504. – DOI: 10.1080/09636412.2019.1604984.

Mastanduno M. *System Maker and Privilege Taker. U.S. Power and the International Political Economy* // *World Politics*. – 2009. – Vol. 61, N 1. – P. 121–154. – DOI: 10.1017/S0043887109000057.

Meijer H., Brooks S. *Illusions of Autonomy. Why Europe Cannot Provide Its Security If the United States Pulls Back* // *International Security*. – 2021. – Vol. 45, N 4. – P. 7–43. – DOI: 10.1162/isec_a_00405.

National Security Strategy for a New Century. – Washington, D.C.: The White House, 1999. – 52 p.

National Security Strategy of Engagement and Enlargement. – Washington, D.C. : The White House, 1996. – 49 p.

National Security Strategy of the United States of America. – Washington, D.C. : The White House, 1991. – 35 p.

National Security Strategy of the United States of America. – Washington, D.C. : The White House, 1993. – 23 p.

National Security Strategy of the United States // The White House. – 2006. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/> (дата обращения: 08.02.2022).

National Security Strategy of the United States. – Washington, D.C. : The White House, 2017. – 68 p.

Nicholls D. *All Hegemons Are Not the Same: The Role(s) of Relational Structures and Modes of Control* // *International Studies Review*. – 2020. – Vol. 22, N 3. – P. 600–625. – DOI: 10.1093/isr/viz028.

Organski A. *World Politics*. – 2nd ed. – New York : Knopf, 1969. – 473 p.

Organski A., Kugler J. *The War Ledger*. – Chicago : Chicago University Press, 1980. – Xii + 292 p.

Posen B. *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy*. – Ithaca : Cornell University Press, 2014. – 256 p.

Rapkin D., Braaten D. *Conceptualizing Hegemonic Legitimacy* // *Review of International Studies*. – 2009. – Vol. 35, N 1. – P. 113–149. – DOI: 10.1017/S0260210509008353.

Reus-Smith Ch. *American Power and World Order*. – Cambridge : Polity Press, 2004. – Xii + 184 pp.

Reus-Smith Ch. *International Crises of Legitimacy* // *International Politics*. – 2007. – Vol. 44, N 2/3. – P. 157–174. – DOI: [dx.doi.org/10.1057/palgrave.ip.8800182](https://doi.org/10.1057/palgrave.ip.8800182).

Reus-Smith Ch. *The Constitutional Structure of International Society and the Nature of Fundamental Institutions* // *International Organization*. – 1997. – Vol. 51, N 4. – P. 555–589. – DOI: 10.1162/002081897550456.

Sewall S. *Multilateral Peace Operations // Multilateralism and U.S. Foreign Policy: Ambivalent Engagement* / Ed. by S. Patrick S. and S. Forman. – London : Lynne Rienner Publishers, 2001. – P. 191–224.

Special Responsibilities: Global Problems and American Power / Bukovansky M., Reus-Smith Ch., Wheeler N., Price R., Clark I., Eckersley R. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – Xii + 290 p.

Stokes D. Trump, American Hegemony, and the Future of the Liberal International Order // International Affairs. – 2018. – Vol. 94, N 1. – P. 133–150. – DOI: 10.1093/ia/iix238.

Suchman M. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches //

Academy of Management Review. – 1995. – Vol. 20, N 3. – P. 571–610. – DOI: 10.2307/258788.

Wight C. Agents, Structures, and International Relations. Politics as Ontology. – New York : Cambridge University Press, 2006. – 360 p.

Wight M. International Theory: The Three Traditions by Martin Wight / Ed. by G. Wight and B. Porter. – Leicester : Leicester University Press, 1991. – 286 p.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgf/2022.03.03

The United States' Hegemony and the Problem of Legitimizing Dominance in International Politics: Reframing the Western Theories

Alexey N. BOGDANOV

PhD (Political Science), Associate Professor at the American Studies Department,
Saint Petersburg State University
Universitetskaya Embankment, 7–9, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034
E-mail: enlil82@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9608-0708

CITATION: Bogdanov A.N. (2022). The United States' Hegemony and the Problem of Legitimizing Dominance in International Politics: Reframing the Western Theories. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 3, pp. 47–68 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgf/2022.03.03

Received: 19.04.2022.

Revised: 21.06.2022.

ABSTRACT. *As the rising powers exhibit determination to challenge the United States' hegemony, the problem of legitimizing dominance in international politics becomes increasingly significant. At the same time, the mainstream currents of IR theory (neorealism, neoliberal institutionalism, social constructivism, neo-Marxism) examine this topic either on the "unit" level (actions and properties of the separate states) or on the level of "structure" (material, social, or ideological), serving to ensure reproduction of political inequity. This situation produces substantial methodological complications with respect to shaping comprehensive understanding of the legitimizing tools of international dominance. Seeking to overcome this duality, the author engages theoretical insights of the English school*

to explore the United States' legitimation strategies, whereby Washington has sought to ensure recognition of its privileged standing within the existing international society. The author focuses on the hegemonic roles of the United States – "leader", "enforcer", "security guarantor", and "prosperity guarantor" – to expose the tools, ensuring connection between Washington's policies and "primary goals" of the international society. Application of this approach allows to engage in the investigation important variables of both "unitary" (actions and ideas of the hegemonic state) and "structural" levels (role prescriptions and collective goals of the community of states) and, thus, to shape more integrative vision of the mechanisms of legitimizing the United States' post-Cold War hegemony. The author concludes that

the role practices of legitimacy, pursued by the U.S., ensure reproduction of power relations, and contain the source of tension, undermining the “American hegemony” under conditions of growing rivalry with the rising powers.

KEYWORDS: *United States, hegemony, legitimacy, English school.*

References

- Beckley M. (2015). The Myth of Entangling Alliances. Reassessing the Security Risks of U.S. Defense Pacts. *International Security*, vol. 39, no. 4, pp. 7–48. DOI: 10.1162/ISEC_a_00197.
- Bull H. (1995). *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. 2nd ed., New York : Columbia University Press, xviii + 329 pp.
- Clark I. (2011). *Hegemony in International Society*. Oxford : Oxford University Press, 276 pp.
- Clark I. (2005). *Legitimacy in International Society*. Oxford : Oxford University Press, viii + 278 pp.
- Cox R. (1987). *Production, Power, and World Order: Social Forces in the Making of History*. New York : Columbia University Press, 500 pp.
- Cox R., Sinclair T. (1996). *Approaches to World Order*. New York : Cambridge University Press, 552 pp.
- Cronin B. (2001). The Paradox of Hegemony: America’s Ambiguous Relationship with the United Nations. *European Journal of International Relations*, vol. 7, no. 1, pp. 103–130. DOI: 10.1177%2F1354066101007001004.
- Doran Ch. (2003). Economics, Philosophy of History, and the “Single Dynamic” of Power Cycle Theory: Expectations, Conception, and Statecraft. *International Political Science Review*, vol. 24, no. 1, pp. 13–49. DOI: 10.1177/0192512103024001002.
- Doran Ch. (1991). *Systems in Crisis: New Imperatives of High Politics at 21st Century’s End*. Cambridge : Cambridge University Press, xviii + 294 pp.
- Finnemore M. (2009). Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity. Why Being a Unipole Isn’t All It’s Cracked Up to Be. *World Politics*, vol. 61, no. 1, pp. 58–85. DOI: 10.1017/S0043887109000082.
- Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge : Cambridge University Press, Xiv + 272 pp.
- Goh E. (2019). Contesting Hegemonic Order: China in East Asia. *Security Studies*, vol. 28, no. 3, pp. 614–644. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604989.
- Goldstein A. (2020). China’s Grand Strategy under Xi Jinping. Reassurance, Reform, and Resistance, *International Security*, vol. 45, no. 1, pp. 164–201. DOI: 10.1162/isec_a_00383.
- Hopf T. (1998). The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*, vol. 23, no. 1, pp. 171–200. DOI: 10.2307/2539267.
- Hurd I. (1999). Legitimacy and Authority in International Politics. *International Organization*, vol. 53, no. 2, pp. 379–408. DOI: 10.1162/002081899550913.
- Ikenberry J. (2006). Getting Hegemony Right. In *Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics*, pp. 186–196.
- Ikenberry J. (2011). *Liberal Leviathan. The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton : Princeton University Press, 392 pp.
- Ikenberry J. (2010). The Liberal International Order and Its Discontents. *Milennium*, vol. 38, no. 3, pp. 509–521. DOI: 10.1177%2F0305829810366477.
- Ikenberry J., Nexon D. (2019). Hegemony Studies 3.0.: The Dynamics of Hegemonic Orders. *Security Studies*, vol. 28, no. 3, pp. 395–421. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604981.

Kang D. (2010). Hierarchy and Legitimacy in International Systems: The Tribute System in Early Modern East Asia. *Security Studies*, vol. 19, no. 4, pp. 591–622. DOI: 10.1080/09636412.2010.524079.

Keohane R., Nye-jr. J. (1977). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston, Massachusetts : Little Brown, 300 pp.

Krisch N. (2005). International Law in Times of Hegemony: Unequal Power and the Shaping of the International Legal Order. *European Journal of International Law*, vol. 16, no. 3, pp. 369–408. DOI: 10.1093/ejil/chi123.

Kupchan Ch. (2014). Unpacking Hegemony: The Social Foundations of Hierarchical Order. In *Power, Order, and Change in World Politics*. Ed. by J. Ikenberry. Cambridge : Cambridge University Press, pp. 19–60.

Lahneman W. (2003). Changing Power Cycles and Foreign Policy Role-Power Realignment: Asia, Europe, and North America. *International Political Science Review*, vol. 24, no. 1, pp. 97–111. DOI: 10.1177%2F0192512103024001006.

Lake D. (2009). *Hierarchy in International Relations*. Ithaca : Cornell University Press, 248 pp.

Lake D. (2013). Legitimizing Power: The Domestic Politics of U.S. International Hierarchy. *International Security*, vol. 38, no. 2, pp. 74–111. DOI: 10.1162/ISEC_a_00139.

Lake D. (2009). Regional Hierarchy: Authority and Local International Order. *Review of International Studies*, vol. 35, no. 1, pp. 35–58. DOI: 10.1017/S0260210509008420.

Lake D., Martin L., Risse Th. (2021). Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization. *International Organization*, vol. 75, no. 2, pp. 225–257. DOI: 10.1017/S0020818320000636.

Lemke D. (2002). *Regions of War and Peace*. Cambridge : Cambridge University Press, xii + 235 pp.

Mastanduno M. (2019). Partner Politics: Russia, China, and the Challenge of Extending U.S. Hegemony after the Cold War. *Security Studies*, vol. 28, no. 3, pp. 479–504. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604984.

Mastanduno M. (2009). System Maker and Privilege Taker. U.S. Power and the International Political Economy. *World Politics*, vol. 61, no. 1, pp. 121–154. DOI: 10.1017/S0043887109000057.

Meijer H., Brooks S. (2021). Illusions of Autonomy. Why Europe Cannot Provide Its Security If the United States Pulls Back. *International Security*, vol. 45, no. 4, pp. 7–43. DOI: 10.1162/isec_a_00405.

National Security Strategy for a New Century (1999), Washington, D.C. : The White House, 52 pp.

National Security Strategy of Engagement and Enlargement (1996), Washington, D.C. : The White House, 49 pp.

National Security Strategy of the United States of America (1991), Washington, D.C. : The White House, 35 pp.

National Security Strategy of the United States of America (1993), Washington, D.C. : The White House, 23 pp.

National Security Strategy of the United States (2006). The White House. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>, accessed 08.02.2022.

National Security Strategy of the United States (2017), Washington, D.C. : The White House, 68 pp.

Nicholls D. (2020). All Hegemons Are Not the Same: The Role(s) of Relational Structures and Modes of Control // *International Studies Review*, vol. 22, no. 3, pp. 600–625. DOI: 10.1093/isr/viz028.

Organski A. (1969) *World Politics*. 2nd edition. New York : Knopf, 473 pp.

Organski A., Kugler J. (1980) *The War Ledger*. Chicago : Chicago University Press, xii + 292 pp.

Posen B. (2014) *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy*. Ithaca : Cornell University Press, 256 pp.

Rapkin D., Braaten D. (2009). Conceptualizing Hegemonic Legitimacy. *Review of International Studies*, vol. 35, no. 1, pp. 113–149. DOI: 10.1017/S0260210509008353.

Reus-Smith Ch. (2004) *American Power and World Order*. Cambridge : Polity Press, xii + 184 pp.

Reus-Smith Ch. (2007) International Crises of Legitimacy. *International Politics*, vol. 44, no. 2/3, pp. 157–174. DOI: 10.1057/palgrave.ip.8800182.

Reus-Smith Ch. (1997). The Constitutional Structure of International Society and the Nature of Fundamental Institutions. *International Organization*, vol. 51, no. 4, pp. 555–589. DOI: 10.1162/002081897550456.

Sewall S. (2001). Multilateral Peace Operations. In *Multilateralism and U.S. Foreign Policy: Ambivalent Engagement*. Ed. by S. Patrick and S. Forman. London : Lynne Rienner Publishers, pp. 191–224.

Special Responsibilities: Global power and American Power (2012). Bukovansky M., Reus-Smith Ch., Wheeler N., Price R., Clark I., Eckersley R. Cambridge : Cambridge University Press, xii + 290 pp.

Stokes D. (2018). Trump, American Hegemony, and the Future of the Liberal International Order. *International Affairs*, vol. 94, no. 1, pp. 133–150. DOI: 10.1093/ia/iix238.

Suchman M. (1995). Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches. *Academy of Management Review*, vol. 20, no. 3, pp. 571–610. DOI: 10.2307/258788.

Wight C. (2006). *Agents, Structures, and International Relations. Politics as Ontology*. New York : Cambridge University Press, 360 pp.

Wight M. (1991). *International Theory: The Three Traditions by Martin Wight*. Ed. by G. Wight and B. Porter. Leicester : Leicester University Press, 286 pp.